

УДК 130.2

Сергей Пролеев

ПЕРЕЛАГАЯ АНТИЧНОСТЬ: К ВОПРОСУ О ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПРЕОДОЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ

Статья оформлена в виде диалога античных персонажей. Предметом рассмотрения выступает проблема отношения с историческим и культурным прошлым, возможностей и границ истолкования артефактов прошлого.

Ключевые слова: текст, смысл, история, интерпретация.

Трюизмом является утверждение об античности как духовной родине европейской цивилизации. Но как нам на эту родину попасть? Как совершить путешествие к истокам нашей собственной действительности?

Дух странствует посредством понимания. Только понимая, он воспринимает нечто как действительное для себя. Все дистанции и разделения в духовной сфере – это дистанции и разделения непонимания. Отсюда становится ясно: вопрос о преодолении огромной исторической дистанции, отделяющей нас от античности – это вопрос понимания актуального прошлого. История поверяется герменевтикой.

До наших дней сохранились очень скромные останки античного мира. Но они все же достаточно изобильны и неслучайны, чтобы позволить многое об античности узнать и многое в ней пережить. Здесь речь идет не просто о том, чтобы понять «прошлое» или «культурно иное». Смысл античности как нашей духовной родины заставляет усмотреть в этом процессе самопонимание – уяснение сути и основ самих себя. В этом смысле античность – столько же вопрос ретроспективы, сколько и перспективы; в ней раскрывается как смысл прошлого, так и горизонт будущего.

Античные артефакты, прежде всего текстовые первоисточники, открывают прямой доступ к столь важному для нашего самоопределения прошлому. И тут обнаруживается главная проблема: этот соблазнительно короткий путь оказывается зачастую самым долгим и трудным. Без посредников, обеспечивающих современному человеку режим доступа к античности, он вообще, как правило, непреодолим. Значимость и потенциал античных текстов отнюдь неочевидны. Более того, современному сознанию они часто кажутся утомительно громоздкими, маловразумительными, избыточными – словом, вызывают разочарование и отторжение.

Роль посредника и проводника, способного изменить эту ситуацию и приблизить нас к античности, берет на себя наука. В современной

цивилизации ее ведению и компетенции почти всецело переданы отношения с историческим и культурным прошлым. И, несомненно, наука проделала огромную работу по его реконструкции и пониманию. Однако целью научного исследования является знание. И если гуманитарные науки не только знают, но и понимают, понимание здесь ограничено функциями опять-таки гуманитарного знания. Наука останавливается там, где завершается строгая реконструкция – воспроизведение – изученного ею. Дальнейшее она предоставляет продуктивной силе воображения, мало интересуясь заключенными здесь возможностями. И не удивительно: наука остается в пределах присущего ей опыта, предоставляя опыт иного рода искусству, философии или иным культурным практикам.

В формате научной деятельности это совершенно оправдано. Однако для ныне живущего человека явно недостаточно ограничить свой опыт античности объективным знанием. Историческое знание играет роль кода, который делает возможным понимание прошлого в его собственном смысле. Но какими бы бесконечными и многоучеными комментариями ни сопровождалась издания, например, поэм Гомера, они способны приблизить текст разве что к ученому уму. Да и то лишь в пределах его специально исторического или филологического интереса.

Читатель живет непосредственным восприятием литературного текста. Художественная выразительность при этом играет решающую роль. Нам близко то, что всего более увлекает и впечатляет, что дает пищу нашему уму и чувству. Эстетика огромных гомеровских поэм, предполагающая давно утраченный культурный контекст, заключает чрезвычайные трудности для современного человека. И если просвещенный читатель готов их читать, то считанные единицы способны *прочитать* – охватить все произведение в его целостности, пройти путь от начала до конца.

Не буду перечислять другие трудности и парадоксы, которые возникают при встрече современного сознания с античным миром. Обращу внимание лишь на крайне существенное звено понимания, обычно упускаемое при обращении к историческому прошлому.

Напомню, что согласно классической схеме Э. Бетти, существуют три основных этапа понимания: рекогнитивный (узнавание), репродуктивный (воспроизведение) и нормативный (применение). Главным правилом интерпретации, соответствующим третьему этапу, является правило актуальности значения. Оно предполагает, что реконструируемое на втором этапе включается в собственный интеллектуальный горизонт интерпретатора. Иными словами, становится действительностью того, кто понимает.

В отношении античных артефактов – текстов, идей, художественных решений, этоса и т. д. – это означает, что они должны стать непосредственным достоянием нашего времени. Музейное отношение к античности должно быть дополнено практикой ее «перевода» на культурный язык нашей современности. Человеку XXI века представляется странным и малопродуктивным жить и воспринимать действительность в духе античности. Однако не есть ли это простая предубежденность слишком самоуверенной современности? В процессе исторической жизни человечество наработало большой арсенал возможностей существования, использование которых сегодня позволило бы разрешить немало острых коллизий, терзающих современный мир.

Впрочем, ограничим широту постановки задачи чисто литературными рамками. Как античной литературе стать сегодня живой практикой художественного творчества? Формы и способы переложения античных текстов и сюжетов могут быть многообразны. Их общим знаменателем является установление действенного контакта современного сознания с античностью. «Понимать – создавая», таков общий принцип подобных практик, способных превратить прошлое из высокочтимого музейного достояния в опыт самоопределения ныне живущих. Не античности нужен наш интерес к ней, античность насущна и необходима нам. Небрежение к миру, который является исторической и культурной родиной современной европейской цивилизации, приводит к трудно восполнимым утратам.

Далее мы предлагаем читателю опыт переложения одного из ключевых античных сюжетов – Троянской войны, которую обессмертили поэмы Гомера. Не будем останавливаться на особенностях и принципах данного опыта, чтобы не умножать и без того обширный предварительный комментарий. В конце концов, лишь те пояснения уместны, запрос на которые порождает живой опыт чтения и восприятия.

Зачин Троянской войны

В предел заветный пифия ступила, куда не волен смертный приходить, если не хочет потерпеть от гнева богов неведомых и духов древних, злых, исток которых знает только Время. Оно их брат или племянник младший, а может, лишь свидетель безучастный с тех пор, как власть распоряжаться боги пресветлые отняли у него.

Обречено, как вечный наблюдатель, всё видеть – и не мочь, быть ко всему причастно и всюду проникать – не в силах даже звуком вмешаться в ход вещей. Такое наказание ему за самовластье дерзкое и замысел преступный, за то могущество, которым обладало, превыше всяких мер,

границ и правил. Теперь утратило лицо и даже имя, лишившись рода, став неразличимым, всевластием беспомощным смирившись.

Не знала пифия, зачем сегодня ночью, не в отведенный час, пришла она сюда. Она была сосуд, который нес вопросы людей смятенных: ведь начало дел как только представало перед ними, они, не в силах выдержать, хотели знать исход всех замыслов своих и предприятий, попыток дерзких и событий разных. Они считали, бог им открывает всю истину свершений и тревог. Наивные! Забыли, что бог света, великий стреловец Аполлон, лишь страж над силами, что не ему подвластны. Что некогда, сразив их в поединке, не уничтожил вовсе, а лишь в недра вверг. Откуда, вероятно, изошли.

Не Аполлон вещает, духи мрака, по прихоти своей давая образ, виденье смутное, тумана колебанье. Плоть пифии – ответ. Она сосуд, который наполняют неведомые силы недр. Летучий яд земли, смешавшись с вопрошанием людей, их страхом, мыслями, надеждами и спесью, из плоти девичьей жестоко вылепляет видение, что голос подает.

И лишь тогда сиятельный бог света вступает в дело. Он речёт жрецам, их разуму давая наставленья. Чтобы виденье плоти отразилось в словах чеканных, гимнах и стихах.

Но в этот раз упал и покатился сосуд не глиняный, из плоти изваян. И над расщелиной склонилась дева, вопроса не имея, лишь готовность все претерпеть, что будет ей дано. Никто к ней не воззвал; в неразличимом мраке белесые вставали отраженья – луны ли отсветы? или пары земные? или то кровь, к ее глазам приливши, в ней вызывала ложные картины? Она ждала, как будто кто назначил ей ждать без трепета, без мысли, обреченно.

Только звуки, отдельные и тихие, как шепот, ее сопровождали. Вот, казалось, листва зашелестела за стеной; сам трепет ночи стал особым звуком. Она как будто различала шорох мгновений быстротечных, что неслись из одного источника к другому – и тот, и тот неведом и сокрыт.

Уснула ли? Глаза свои закрыла? Был это сон или ее душа, подхваченная духами расплаты, свидетельницей стала божества? Так или так, но вдруг она узрела два исполинских образа, что внятно вели обмен речами меж собой. И прежде всяких слов она узнала – всем ужасом, что можно испытать – присутствие богов бессмертных, всемогущих. Услышала она, как рёк посланец и самый вездесущий бог Гермес к тому, кто был его отцом и вместе грозным владыкою над миром и людьми, над смертным и бессмертным, над тем, что движется и навсегда застыло.

Прости, читатель, мой рассказ не в силах как должно передать ее виденье. Лишь слабый отзвук, тень воспоминанья, от эха эхо мне дано поведать.

Видение Пифии

ГЕРМЕС. Так ты решил: войну, иль мор, или какое лихо иное изберешь, отец?

ЗЕВС. Нужна война. Война – прекрасный выход. Найдут ристанье славное герои. Богатая добыча их дома наполнит. Прекрасные рабыни наградой станут доблести могучих, соседей зависть возбуждая.

ГЕРМЕС. Когда идет война – все боги власть теряют. Тогда лишь смерть – носитель высшей воли. Хозяин надо всем, что движется и дышит. Она не устает, шумит и торжествует, лоя утехи миг. Кровь молодая жажду утоляет приятнее, чем с Делоса вино. Ужасно счастье смерти...

ЗЕВС. Земля давно уж стонет, еле дышит под гнетом возрастающих народов. Чрезмерное обилие живых ей стало тяжкой ношей. Ночами вздохи слышу я: то общая нам мать печалится и жалуется, плачет. Стеснилась грудь ее и бремя непосильно без счета расплодившихся людей.

ГЕРМЕС (медленно). Так что ж, таки война?

ЗЕВС. Да, решено: война. Тому причина есть еще одна. Ей имя – дочь моя. Бессмертия достойна красота ее. Но человек не замечает человека. Сам смертный, он трепещет только перед богом. Слепец! К себе подобным зол, неблагодарен – использовавши, тут же забывает.

С тоскою я смотрю на дочь мою. Сейчас она известна всем, и нет прекраснее супруги Менелая. Но слава смертных неверна. Пройдут года, совсем немного. Угрюмою печатью лягут на лицо, состарят кожу дни. Утратит гибкость стан, увянут губы, потеряют блеск сияющие дерзостью глаза. Изящество исчезнет, грузным станет тело. Тогда растает слава красоты и позабудут все Елену.

Ведь кто поверит, глядя на нее тогда, что всех героев некогда пленяла, что не было на свете никого, кто бы сравнился с нею красотой. «Немало басен выдуманно», – скажут. Смеясь, небрежно молвят в дружеской беседе: «Не то еще слышали от дедов! Но если верить им, то не было чудесней тех времен, когда они блистали. И не было людей сильнее и веселей, и не было героев – благородней. Все это тлен... А есть в Лаодикее Ида, вот это – так красавица! Любой, увидев, восхитится и в вожделинии останется навек». И долго будет говорить безусый о прелестях пленительных кумира. Ведь будет так?

ГЕРМЕС. Да, будет так, отец. Иначе не бывает меж людьми. Все славное в тумане исчезает идущих чередой лет.

ЗЕВС. Но я хочу, чтоб дочь моя осталась, не истлевая в памяти вовек. Чтоб красота ее не меркла никогда, снискав бессмертье, коего достойна. Все, что есть плоть – разрушится; но вечно пребудет идеал, нарекшийся Еленой. Всего лишь идеал – но жив он будет вечно.

ГЕРМЕС. Во всем всегда обмен. Ничто не совершенно. За все, что приобрел, расплатишься, теряя. Не станет прелесть вечным образцом. Она живет – а образец довлеет. Молва хранит – она же убивает. И от лица, что нежно улыбалось, таило тень надежды и смущалось, останется один нетленный контур – только имя. Не эхо даже – горсть никчемных слов.

ЗЕВС. Некстати мрачен ты. Вся слава – только звук. Но не простой – магический. Им окликает вечность. Нет женственнее никого и краше. Ведь даже я не мог предугадать, что страсть моя создаст такое диво.

ГЕРМЕС. И Леды страсть.

ЗЕВС. Да, Леда... (задумывается).

ГЕРМЕС. Зачем же, всемогущий бог, ты ей явился птицей белоснежной?

ЗЕВС. Она б не отдалась человеку. А божеству б, наверно, покорилась. Но разве я покорности искал? Не властвовать над ней желал, а страсти, которая б настигла ту, что мне внушила страсть.

Она была прекраснее богини. Нет, не черты лица, и не изгибы тела, не линий сладостных влекущая картина, мне так сказать внушает. То, что в ней – дыханье жизни, трепет плоти и упоение, что делает бессмертным не только смертных – камень при дороге, сухую ветку, краткое мгновенье, что промелькнувши, навсегда осталось. Во всякой женской нежности отныне пусть оживает ее нежность; пусть в каждом женском теле, увлеченном страстью, проснется безрассудное желание ее. Превыше ничего нет в человеке! И потому пусть помнят...

ГЕРМЕС. Леду!

ЗЕВС. Нет, Елену!

ГЕРМЕС (удивленно). Отчего?

ЗЕВС. Что пережито с Ледой – лишь мое. Она лишь для меня, а не для мира. Мы ж говорим о даре людям всем. Сей дар стал дочерью любви нашей заветной. Вся вдохновенная Леды страсть, нега ее и трепет, гордость моя и торжество, наше пьянящее упоение – все это стало Еленой. Невыносимо думать, что исчезнуть должно прекрасному былому навсегда. Елена – совершенство красоты, и память ее облик сохранит. Навечно! Да будет так!

ГЕРМЕС. Непрочна человеческая память. Не удержаться долго восхищенью. Капризен человек. Он быстро устает и ищет смены ярких впечатлений.

ЗЕВС. Ты прав, ближайший к людям бог. И потому во славу дочери моей Елены, во славу совершенной красоты, посеется раздор между людьми, прольется кровь и пронесутся беды, крылатою и сумрачной толпой. Пусть сотрясется мир до основания! Да, судорогой боли неизбывной всего вернее, глубже и прочней запомнит человечество Елену. И раз она была, то вечно теперь будет, рождаясь в каждом новом поколении!

При сих словах, божественных глаголах, в далеких Дельфах дева содрогнулась. Упала на колени и молилась, а плоть ее горела и сгорала. Она была как факел богоносный, уже ни рук, ни ног не ощущая. И ничего не видя и не слыша вокруг – ведь разом все пропало – она кричала и стенала горько, не голосом своим, а воем рока. И в вое том отдельные слова слагались в фразы – ухо их ловило от ужаса жрецов окаменевших. И сочетав их в ладное реченье, такую весть составили для всех:

Горе прозреваю тебе, Эллада. Плачь, родина мужей ахейских, смутится твой покой. Могучие забудут дом и близких своих, оставят поля и пастбища твои. Обуянные силой, торжествующие, устремятся они к славе. Но рухнут тела их, словно башня, сокрушенная колебанием земли. Боевой клич, не успев отзвучать, прервется стенаниями душ, отлетающих в царство Аида.

Веселитесь, жены героев, ибо близок час вашей печали. Хмурыми станут дни вашей жизни, унылыми – ночи. В вечный обман превратится ложе, и не облегчит вас мольба. Дети забудут облик отцов своих, чужим и туманным станет их образ. Вражда посеется между оставшимися и ушедшими. Участь вернувшихся горька, а хмель победы не утишит боль. Позавидуют те, кто спасся, тем, кто пал.

Сергій Пролєєв

ДОКЛАДАЮЧИ АНТИЧНОСТЬ: ДО ПИТАННЯ ПРО ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИ ПОДОЛАННЯ ІСТОРИЧНОЇ ДИСТАНЦІЇ

Стаття оформлена у вигляді діалогу античних персонажів. Предметом розгляду виступає проблема відносин з історичним і культурним минулим, можливостей і меж тлумачення артефактів минулого.

Ключові слова: *текст, зміст, історія, інтерпретація.*

Sergey Proleev

TO TRANSLATE ANTIQUITY: THE ISSUE OF HERMENEUTIC OVERCOMING OF HISTORICAL DISTANCE

The article is represented its content in a form of a dialogue between ancient characters. In dialogue of Zeus and Hermes the problem of the relationship

with our historical and cultural past and present, the interpretation of possibilities and limits of the artifacts of the past are discussed. The author has shown that museum attitude to antiquity should be complemented by the practice of its «translation» in the cultural language of our time. The main rule of interpretation is the rule of relevance values. It suggests that the reconstructed material has to be included in the own intellectual horizon of the interpreter. In other words, it is a reality of the one who understands.

In the process of its historical life humanity has developed a large arsenal of possibilities of own existence, the using of which makes now the possibilities to resolve a lot of serious conflicts besetting the contemporary world.

Keywords: *text, meaning, history, interpretation.*